

Вступление

РОЖДЕСТВО В ЭБНИ-ХОЛЛЕ

(Отрывок из автобиографии)

Рождество мы обыкновенно проводили в Чешире, в семье Уотс. Джимми приурочивал к этому времени свой ежегодный отпуск, и они с Мэдж на три недели уезжали в Санкт-Мориц, в Швейцарию. Джимми отлично катался на коньках и поэтому предпочитал такой вид отдыха. Мы с мамой ехали в Чидл и, так как новый дом под названием Мэнор-Лодж не был достроен, жили в Эбни-Холле со старыми Уотсами, четверья их детьми и Джеком. Для ребенка нельзя вообразить лучшего дома, чтобы оказаться в нем на Рождество: огромный викторианский готический особняк с бесчисленными комнатами, коридорами, переходами, неожиданными ступеньками, парадными лестницами, черными лестницами, альковами, нишами — всем, о чем только можно мечтать, не говоря уже о том, что там было три рояля, на которых разрешалось играть, и еще музыкальная шкатулка! Единственное, чего недоставало в этом доме — это дневного света; везде царил темень, кроме салона с его обтянутыми атласом стенами и большими окнами.

Мы с Нэн стали закадычными друзьями. Не только друзьями, но и «собутыльниками»: нам обеим

6 нравился один и тот же напиток — сливки, обыкновенные натуральные сливки. Хотя в Девоншире я поглощала в огромных количествах тамошние квашеные сливки, сырые доставляли нам особое удовольствие. Когда Нэн гостила у нас в Торки, мы частенько заявлялись в разные молочные, где получали по стакану молока пополам со сливками. В Эбни же мы ходили на домашнюю ферму и выпивали по полпинты сливок. Мы продолжали глушить их всю жизнь, и я до сих пор помню, как, запасшись картонными пакетами сливок в Саннингдейле, мы отправлялись с ними на площадку для гольфа, садились перед клубом и в ожидании, пока наши уважаемые мужья закончат свой турнир, опустошали каждая по пинте.

Эбни был настоящим раем для гурманов. У миссис Уотс существовала так называемая домашняя кладовая с «запасами». Она отличалась от бабушкиной кладовой, представлявшей собой нечто вроде надежно запертого домика с сокровищами, из которого доставали разные разности. К кладовой миссис Уотс доступ был открыт, и полки, выстроившиеся вдоль всех стен, были заставлены всевозможными лакомствами. С одной стороны лежал шоколад, ящики шоколада всех сортов, шоколадные кремы в фирменных упаковках, печенье, имбирные пряники, сухие фрукты и так далее.

Главным праздником в году было, конечно, Рождество. Рождественские чулки в изножье кровати. Завтрак, во время которого каждого ждал стул с громоздившейся на нем горой подарков. Быстренько в церковь и поскорее домой, чтобы снова разворачивать пакеты. В два часа — рождественский обед,

при спущенных шторах, а в полумгле поблескивают украшения. Сначала устричный суп (я его не слишком жаловала), тюрбо, потом две индейки, вареная и жареная, и огромное жареное говяжье филе. Затем наступала очередь сливового пудинга, сладкого пирога и пропитанного вином, залитого сливками бисквита с запеченными внутри шестипенсовиками, свинками, колечками, амарантовыми шариками и прочим в этом роде. И наконец снова разнообразнейший десерт. В одном из моих романов — «Приключение рождественского пудинга» — я описала такой праздник. Убеждена, что такого никогда не доведется увидеть нынешнему поколению; в самом деле, сомневаюсь даже, что теперешние люди в состоянии одолеть подобную трапезу. Что же до нас, то наши желудки отлично с ней справлялись.

Я обычно состязалась в гастрономической доблести с Хамфри Уотсом, другим сыном Уотсов, следующим по возрасту после Джеймса. Его двадцать один или двадцать два года приходились на мои двенадцать-тринадцать. Очень красивый молодой человек, да к тому же еще великолепный актер и рассказчик. В высшей степени влюбчивая, не помню, однако, чтобы я в него влюбилась, хотя сейчас меня поражает, что этого не произошло. Наверное, потому, что в тот период мои любовные увлечения носили романтический характер и касались только широко известных недосыгаемых персон, таких, как лондонский епископ, король Испании Альфонсо и, конечно, разные актеры. Увидев в «Рабе»¹ Ген-

¹ «Р а б» — пьеса известного английского драматурга Томаса Мортонна.

8 ри Эйнгли, я влюбилась в него по уши и потеряла голову от Льюиса Уоллера в «Месье Бокере»¹.

Во время рождественского обеда мы с Хамфри, не жалея сил, поглощали угощение. По части устричного супа он меня обгонял, но в остальном мы «дышали друг другу в затылок». Мы оба ели сначала вареную индейку, потом жареную и четыре или пять кусков филе. Вполне вероятно, что взрослые ограничивались только одним видом индейки, но, если мне не изменяет память, старый мистер Уотс после индейки воздавал должное и филе. Потом мы принимались за сливовый пудинг, сладкий пирог и бисквит (я не особенно налегала на него, так как не любила вино). После этого шли печенья, виноград, апельсины, элвасские сливы, карлсбадские сливы и засахаренные фрукты. И, наконец, весь оставшийся день из кладовой приносили горстями шоколад разных сортов, кому что понравится. И что же? На следующий день я заболела? Или у меня случался приступ печени? Ничуть не бывало. Единственный приступ печени, от которого, помню, я очень страдала, случился, когда в сентябре я объелась незрелых яблок. Я ела их каждый день, но, видимо, один разхватила лишку.

Еще я помню, как в шесть или семь лет поела грибов. Я проснулась от боли в одиннадцать часов вечера, бросилась в гостиную, где мама и папа устраивали многолюдный прием, и трагическим тоном объявила:

— Я умираю! Я отравилась грибами!

¹ «Месье Бокер» — пьеса Бута Таркингтона, американского писателя, жившего в Европе.

Мама быстро утешила меня, напоила настойкой из ипекакуаны, непременно хранившейся в каждой домашней аптечке, и уверила, что на сей раз я не умру.

Во всяком случае, не помню, чтобы я хоть один раз заболела на Рождество. У Нэн Уотс, в точности как у меня, было отличное пищеварение. И вообще, когда я вспоминаю былые времена, у меня складывается впечатление, что все обладали отменной пищеварительной системой. Подозреваю, что и тогда попадались люди с язвой желудка или двенадцатиперстной кишки, которые должны были проявлять осторожность, но никак не могу припомнить, чтобы кто-нибудь сидел на рыбной или молочной диете. Грубый век обжор? Да, но в то же время век радости и удовольствий. Принимая во внимание количество пищи, которое я поглощала в детстве и юности (потому что всегда была голодна), просто не могу взять в толк, как мне удалось остаться такой худой — в самом деле тощим цыпленком.

После сладостной праздности второй половины рождественского дня (разумеется, для взрослых) младшие были все при деле: читали, рассматривали подарки, продолжали есть шоколад и так далее, наступало время роскошного чаепития с необъятным, покрытым сахарной глазурью рождественским тортом и всем прочим — и, наконец, ужин: холодная индейка и горячий пирог. В восемь часов приходила очередь рождественской елки, снова увешанной подарками. Прекраснейший день, который оставался в памяти весь год до нового Рождества.

КОРОБКА КОНФЕТ

В тот вечер была жуткая погода. За окнами противно завывал ветер, а дождь со страшной силой лупил в окна.

Мы с Пуаро сидели перед камином, протянув ноги к его живительному огню. Между нами располагался низенький столик. С моей стороны на нем стоял отлично приготовленный горячий пунш, а со стороны Пуаро дымился густой ароматный шоколад, который я не стал бы пить даже за сотню фунтов! Отхлебнув из розовой фарфоровой чашки глоток этой густой коричневой жижи, Пуаро удовлетворенно вздохнул.

— *Quelle belle vie!*¹ — проворковал он.

— Да, наш славный старый мирок, — согласился я. — Вот я тружусь себе потихоньку, причем неплохо тружусь! И вот вы, знаменитый...

— *O, mon ami!* — протестующе воскликнул Пуаро.

— Но ведь так и есть. Все именно так! Вспоминая длинную череду ваших успешных расследований, я могу только изумляться. Мне не верится, что вам известно, что такое провал!

¹ Как прекрасна жизнь! (*фр.*)

— Вы, должно быть, шутите, только большой оригинал мог придумать такое!

— Нет, а серьезно, разве у вас бывали неудачи?

— Сколько угодно, друг мой. А что вы хотите? *La bonne chance*, увы, не всегда сопутствует нам. Бывало, что ко мне обращались слишком поздно. И частенько кто-то другой опережал меня перед самым финишем. Дважды из-за внезапной болезни удача ускользала от меня в последний момент. У каждого бывают свои взлеты и падения, *mon ami*.

— Я совсем не это имел в виду, — возразил я. — Я спрашивал о полном провале, который произошел из-за вашей собственной ошибки.

— А, понимаю! Вы спрашиваете, попросту говоря, случилось ли мне оказаться в роли патентованного дурака? Однажды, мой друг, однажды... — Тихая, задумчивая улыбка блуждала по его лицу. — Да, однажды я едва не сваял дурака. — Он резко выпрямился в своем кресле. — Итак, мой друг, я знаю, что вы записываете истории моих маленьких успехов. А сейчас вы сможете добавить к этой коллекции историю моего провала!

Наклонившись вперед, он подбросил очередное полено в огонь. Затем, тщательно вытерев руки салфеткой, висевшей на крючке возле камина, он откинулся на спинку кресла и начал свой рассказ:

— История, которую я собираюсь рассказать вам, произошла в Бельгии много лет назад. Как раз в то время во Франции шла ожесточенная борьба между церковью и государством. Месье Поль Дерулар был неким заслуживающим внимания французским депутатом. То, что его ждал портфель министра, было секретом Полишинеля.

12 Он принадлежал к радикальной антикатолической партии, и было очевидно, что, придя к власти, он столкнется с ожесточенной враждой. Он был весьма своеобразной личностью. Он не пил и не курил, но в других отношениях тем не менее был не столь безупречен. Вы же понимаете, Гастингс, *c'était des femmes... toujours des femmes!*¹

Несколькими годами раньше он женился на одной даме из Брюсселя, которая принесла ему солидное dot, приданое. Несомненно, эти деньги сыграли положительную роль в карьере месье Дерулар, поскольку его семья не считалась богатой, хотя он всегда при желании имел право именовать себя бароном. Этот брак оказался бездетным, и его жена умерла через два года после их свадьбы... упала с лестницы. Среди наследства, которое она завещала ему, был особняк в Брюсселе на авеню Луиз.

Именно в этом доме он внезапно умер, и это событие совпало с отставкой министра, чей портфель он должен был унаследовать. Все газеты напечатали длинный некролог о его жизненном пути и успешной карьере. Его смерть, которая произошла совершенно неожиданно вечером после ужина, была объяснена остановкой сердца.

В то время, *mon ami*, я служил, как вам известно, в бельгийской сыскной полиции. Смерть Поля Дерулар не особенно взволновала меня. Как вы также знаете, я являюсь *bon catholique*, то есть его кончина показалась мне благоприятным событием.

Дня через три, у меня как раз только что начался отпуск, мне пришлось принять у себя на квартире

¹ Есть еще женщины... всегда есть женщины! (фр.)

одну посетительницу. Дама была под густой вуалью, но, очевидно, совсем молодая; и я сразу понял, что передо мной *jeune fille tout a fait comme il faut*.

«Вы месье Эркюль Пуаро?» — тихим, мелодичным голоском спросила она.

Я слегка поклонился.

«Из сыскной полиции?»

Я вновь поклонился и сказал: «Присаживайтесь, мадемуазель, прошу вас».

Она присела на стул и подняла вуаль. Ее лицо было очаровательным, хотя припухшим от слез и измученным, словно ее терзала какая-то мучительная тревога.

«Месье, — сказала она, — я знаю, что вы сейчас в отпуске. Следовательно, можете взяться за одно частное расследование. Понимаете, я не хочу обращаться в полицию».

Я с сомнением покачал головой:

«Боюсь, мадемуазель, вы просите меня о невозможном. Даже в отпуске я остаюсь полицейским».

Она подалась вперед.

«*Écoutez, monsieur*¹. Я прошу вас только провести расследование. За вами сохраняется полное право сообщить полиции о его результатах. Если мои подозрения подтвердятся, то нам понадобится вся законная процедура».

Дело явно принимало иной оборот, и я без долгих разговоров предоставил себя в ее распоряжение.

На щеках ее появился легкий румянец.

«Благодарю вас, месье. Я прошу вас расследовать смерть месье Поля Дерулара».

¹ Выслушайте меня, месье (*фр.*).

14 «Как?» — удивленно воскликнул я.

«Месье, больше мне нечего добавить... я могу сослаться только на женскую интуицию, но я уверена... понимаете, я уверена, что месье Дерулар умер не естественной смертью!»

«Но врачи, несомненно...»

«Врачи могут ошибаться. У него было отличное, просто отменное здоровье. Ах, месье Пуаро, я умоляю вас помочь мне...»

Несчастное дитя, она выглядела такой расстроенной. Она готова была броситься передо мной на колени. Я приложил все силы, чтобы успокоить ее:

«Я помогу вам, мадемуазель. Я почти уверен, что ваши подозрения необоснованны, но мы постараемся во всем разобраться. Вначале я попрошу вас описать мне обитателей его дома».

«У него была прислуга — Жаннетт и Фелисия, а Дениз — кухарка. Она прослужила в этом доме много лет; остальные — простые сельские девушки. Есть еще Франсуа, но он тоже очень старый слуга. Кроме них, в доме живет мать месье Дерулара. Меня зовут Вирджиния Меснар. Я — бедная родственница, кузина покойной мадам Дерулар, жены Поля, и я уже более трех лет живу в их доме. Вот я и описала вам всех домашних. Также сейчас в доме живут два гостя».

«А кто они?»

«Месье де Сент-Алар, сосед месье Дерулара во Франции. А также один его английский знакомый, мистер Джон Уилсон».

«И они все еще здесь?»

«Мистер Уилсон здесь, а месье де Сент-Алар вчера уехал».

«И что же вы предлагаете, мадемуазель Меснар?»

«Если вы явитесь в наш дом через полчаса, то я придумаю повод для вашего появления. Лучше всего представить вас журналистом. Я могу сказать, что вы прибыли из Парижа и что вы принесли некие рекомендации от месье де Сент-Алара. Мадам Дерулар очень слаба здоровьем, и ее мало волнуют такие детали».

Под изобретенным мадемуазель предлогом я был допущен в этот дом и приглашен на короткую аудиенцию к матери покойного депутата, которая оказалась на удивление импозантной дамой аристократического вида, хотя, очевидно, слабого здоровья.

Не знаю, мой друг, — продолжал Пуаро, — можете ли вы в достаточной мере представить всю сложность моей задачи. Интересующий меня человек умер три дня назад. Если там и имела место нечистая игра, то допустима была только одна возможность — яд! А у меня не было никакого шанса увидеть тело, и не было никакой возможности исследования или анализа, никакого способа, который помог бы определить наличие и тип яда. Не было никаких сведений, подозрительных фактов или иных зацепок, над которыми можно было бы поразмышлять. Был ли этот человек отравлен? Или он умер естественной смертью? И вот мне, Эрkjюлю Пуаро, предстояло разобраться во всем этом без какой-либо внешней помощи.

Для начала я опросил всех слуг и с их помощью сделал некоторые выводы о том вечере. Я обратил особое внимание на подаваемые к обеду блюда. Месье Дерулар сам наливал себе суп из супницы. Далее последовали отбивные и какое-то блюдо из